

Пушкин Александр Сергеевич

Собрание сочинений Пушкин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Сергеевич П.**
Собрание сочинений Пушкин / Пушкин Александр Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 710 с.

ISBN 978-5-519-79997-3

ISBN 978-5-519-79997-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Письма Пушкина.

147.

Барону А. А. Дельвигу.

23-го июля [1825 г. Михайловское].

Сей часъ узнаю что ты ко мнѣ писалъ, по письмо твое до меня подошло, дай Богъ чтобъ новой Пикита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя беспокоюсь; не сказалъ ли ты чегонибудь лишняго или необдуманнаго; участіе дружбы можно перетолковать въ другую сторону — а я боюсь быть причиною неприятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно: письмо моеи матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Во Псковѣ конечно есть дѣкарль—чего-жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношеніи входить не намѣренъ. — Онъ знаетъ мои обстоятельства, и самолично затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копѣйки денегъ въ минуту нужную, я незнаю когда и какъ я получу ихъ. Бѣснечность и легкомысліе эгоизма извѣстны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать мои стихи вѣбѣ того чтобъ читать ихъ на ужинахъ, и украшать ими Альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ—если нѣтъ то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ а ты ужъ похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ Августѣ поздравляю мой милый — будь щастливъ хоть это чертовски мудро! Цалую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее какъ дочь Самтыкова и жену Дельвига.

23 июля.

П. А. уѣхала и я одинъ.

За чѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моеи матери? Не полагайся ли на чувствительность...? Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость —

Нѣкто Вибій Серенъ, по допосу своего сына, былъ присужденъ Римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря что человекъ, коему дарована жизнь не должно лишать способамъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человеколюбиваго! — Чѣмъ болѣе читаю Тацита тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ Государственныхъ умовъ древности —

На оборотѣ: Б. Дельвигу.

148.

А. П. Кернъ.

25-го июля [1825 г. Михайловское].

J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous, l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au désir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Oaennr. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que Vous ayez de la pitié

dans l'âme — mais la frivolité est toujours cruelle, en vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à-travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu, divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ерм. Фед. et mes compliments à M-r Voulf.

25 j-llt.

Je reprends la plume [pour] car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de Vous. J'espère que vous lirez cette lettre en cachetie—la cachez-vous encore dans votre sein? me repondrez-vous bien longuement? écrivez-moi tout ce qui Vous passera par la tête — je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître.

Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal.—Savez-vous bien qu'en relisant des lignes, je suis bonteux de leur ton sentimental—que dira Ал. Никл.? Ахъ, вы, чудотворка или чудотворица!

Savez-vous quoi? écrivez-moi.

Ноперекъ письма приписка другою рукой:
«Comme cela et comme cela, c'est si joli!».

149.

П. А. Осиповой.

25-го июля [1825 г. Михайловское].

Voici, Madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pleinef et étoit incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres vous serez arrivée à Riga gaiement et heureusement. Mes amis de Petersbourg étoient persuadés que je vous accompagnerais. Pleinef m'écrivit une nouvelle assez étrange: la décision de S. M. leur a paru un malentendu et l'on est résolu de lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlussembourg où certes je n'aurois pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiemment de vos nouvelles—donnez m'en, je vous en supplie—je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 juillet.

150.

Л. С. Пушкину.

28-го июля [1825 г. Михайловское].

Еслибъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагалъ какъ на брата—между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Еслибъ я извѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ-ли остальные 500, и осталось-ли что-нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ—онѣ еще не собраны, не цензурованы—ты читаешь ихъ своимъ друзьямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ Моск. публикѣ. Благодаря.

Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обидѣлъ мнѣ капиталъ прежде году—а я на тебя полагался. Упрекать тебя не стану, а благодарить ей Богу не за что.

28-го июля.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами: прошу единственно поизвѣстовать Плетневу мои обстоятель-

ства—полагаюсь на его дружбу. Если-жъ ты захочешь продиктовать Цыгановъ для отдачи въ Цензуру, покажишь не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплатены-ли Вяземскому 600 р.?

На оборотѣ рукою Н. В. Всеволожскаго (?):
«Въ Февралѣ мѣсцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ Апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ по особенной моей просьбѣ свою черную тетрадь: думалъ-ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради, или нѣтъ?»

На оборотѣ-же обрванный адресъ:

Льву Сергѣев.

въ С.-Пет.

Противъ ЮС. по Екатери проспект.

Купца III Льву С

въ С.-Петербурѣ.

151.

И. Ф. Мойеру.

29-го июля 1825 г. Михайловское.

Сей часъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковский писалъ намъ о моемъ апевризмѣ и просилъ васъ приѣхать по Псковъ для совершенія операціи; нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но умоляю Васъ, ради Бога не приближайте, и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая апевризмомъ, слишкомъ малонажна, чтобы отвлечь человека знаменитаго отъ его занятій и мѣсто-пробыванія. Благодареніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти. Я не долженъ и не могу согласиться принять его; смѣло ссылаюсь на совѣтвенный Вашъ образъ мыслей и на благородство Вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать Вамъ мое глубочайшее уваженіе какъ человеку знаменитому и другу Жуковского.

Александръ Пушкинъ.

С. Михайловское, 29-го июля
1825.

На оборотѣ: Его Превосходительству
Милостивому Государю

Г-ну Моеру.

Въ Дерптѣ.

Итѣмъ: Опочка 1825 Июля 30

152.

П. А. Осиповой.

[29-го июля 1825 г. Михайловское].

Vous-avez reçu, Madame, de Pskov une lettre inutile que j'ai anéantie.—Je vous envoie une autre de Batova et une autre de ma mère. Vous verrez quelle belle âme est ce Жуковский. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire faire l'opération par Moer je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskov. Je ne sais d'où viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

Rokotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eût été plus aimable de me laisser m'en-nuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au château de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poétique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir—Ses aimables hôtes devraient bien se hâter d'y retourner, mais ce souhait tient trop à mon egoïsme de famille; si Riga vous amuse, amusez-vous et souvenez-vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à d. de Michailovsky) vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 juillet.

Au nom du ciel, Madame, n'écrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moer. Cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

153.

H. H. Раевскому.

(Черновое).

[Конец июля — начало августа 1821 г. Михайловское].

Où êtes-vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: Mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter; ma mère a écrit à S. M., et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allois voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille bonne et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'écrivant, j'ai réfléchi sur la tragédie en général [et si je me mettais de faire une préface, elle serait piquante]. C'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la vraisemblance, et c'est justement [la vraisemblance] elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc., quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés, dont l'une est occupée par deux mille personnes qui sont sensés n'être pas vus par ceux qui sont sur les planches; 2) la langue. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas! j'entends les doux sons de la langue Grecque, etc. Voyez les anciens: leurs masques, tragiques, leur double

personnage—tout cela n'est il pas [pourtant] une invraisemblance-conventionnelle? 3) le temps, le lieu etc., etc. Les vrais génies de la tragédie [Shakespeare et Corneille] ne se sont jamais soucié de la vraisemblance. Voyez comme [ce dernier] Corneille a bravement [traité] mené le Cid. Ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit, et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus [ridicule] inutile à mon avis que les petits changements de règles reçues: Allier est profondément frappé du ridicule de l'a-parté, il le supprime et là dessus allonge le monologue et pense avoir fait faire [un pas énorme à] une révolution dans le système de la tragédie [comme si le monologue avoit plus de vraisemblance que l'a-parté] quelle [petitesse] puérilité!

[Le développements des passions et des caractères du] La vraisemblance des situations et la vérité [du costume] du dialogue—voilà la [seule] véritable règle de la tragédie—[Sch. a saisi les passions: Goethe—le costume]. Je n'ai pas lu Calderon, ni Vega, mais quel homme que ce Sch.? Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu [de] qu'un seul caractère [excepté, et c'est le sien] <les femmes n'ont pas de caractère elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pour quoi il est si facile [au poète] de les peindre>, ce Byron donc [dans la tragédie] a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère: son orgueil à l'un; sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc., et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants—ce n'est pas là de la tragédie.

[Chaque homme aime, hait, s'attriste, se réjouit—mais chacun à sa manière—et là dessus lisez Sch.]. On a encore une manie [manie digne d'un roman d'Au. Lafontaine]; quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus [triviales] étrangères, [à ce passions] on porte essentiellement l'empreinte <comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding>. Un consp. dit Donnez moi [de la soupe] à boire en conspirateur—ce n'est que ridicule [le poète a peur, le caractère se laisse voir seulement dans]. [Par ex.]. Voyez le Haineux de Byron (la pagato!)—cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce [dans] la nature [est-ce la vie? et là dessus]? De là cette gêne et cette timidité du dialogue. Lisez Sch. [c'est mon refrain] il ne craint jamais de compromettre son

Почтъ-директоръ К. А. БУЛГАКОВЪ.

(Перехватывалъ письма Пушкина къ женѣ).

персонаж, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en tems et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie, est-elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai lâché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus—cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développé, je puis créer

154.

П. А. Осиповой.

(Часть письма).

[Конец июля—август 1825 г. Михайловское].

Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Korn? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante.

155.

П. А. Осиповой.

1-го августа [1825 г. Михайловское].

J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc. voici toutes les nouvelles que je puis vous donner; je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 Août.

156.

Н. А. Полевому.

2-го августа [1825 г.] Михайловское.

Милостивый Государь!

Виновать передь вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо, хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа, и за удопльстiе, мнѣ доставленное вами въ моемъ удивленiи—это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему Журналу (конечно лучшему изъ всѣхъ нашихъ Журналовъ). Я писалъ К. Вяземскому, чтобъ онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней.

Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ онѣ понравились вашей публикѣ.

Свѣдѣтельствую вамъ искреннее свое уваженiе. Александръ Пушкинъ.

2 Августа, Михайловское.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 г. Авг. 5. Рукю Полевого получено: 15 Авг. 1825 г.

157.

П. А. Плетневу.

[Начало августа 1825 г. Михайловское].

Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ послыщенiи Н. Р. послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.

Песу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ, шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? Опши мнѣ всю деремонiю. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣдомъ! Жаль, что я не буду его таферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венедіапскую Ночь на голосъ гондолерскаго речетатива; я общалъ о томъ извѣстить много вдохновеннаго слѣща. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задумевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo e scritto in presenza della donna, como ognun può veder. Addio, caro poeta, Scrivetemi, vi prego.

Tutto il vostro.

На оборотъ: П. А. Плетневу. Почтовый штемпель: Августа 5 1825 г. Опочка.

158.

П. А. Осиповой.

8-го августа [1825 г. Михайловское].

C'est hier que j'ai reçu, Madame, votre lettre du 31. du lendemain de votre arrivè à Riga—Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible. Elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. An. Борд, m'a dit qu'on vous y attendoit vers la mi-août. Je n'ose l'espérer.

Que vous disoit donc M-r K. concernant la surveillance paternelle de M-r A. à mon égard? sont-ce des ordres positifs? M-r K. y est-il pour quelque chose? ou ne sont-ce que des bruits publics?

Je suppose, Madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles Européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg je ne sais rien de ce que s'y passe. Nous attendons l'automne, mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenestre.

Adieu, Madame. Recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté. C'est vous qui m'avez fait apprécier le charme de la première.

8 août.

На оборотъ: à

Madame

Madame Ossipof

à Riga.

169.

Князю П. А. Вяземскому.

10-го августа [1825 г. Михайловское].

Накупался-ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? паниши пожалуйста, а лъзъ Михайловскаго не тронусь. Что твой Байронъ? перенили ли его прежде печати. Да и въ ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго, хотъ эниграммъ? Знаешь-ли его лучшую эниграмму? Что нужды? говорить разчетливый елс. Виновать! Я самолично сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣнивъ стихи слѣдующимъ образомъ 1, 2, 3—7, 8—4, 5, 6.— Не напечатать-ли, сказать: Пѣть, и лъзъ прихожую пойду путемъ доходнымъ, если Цензура не пропуститъ осьмаго стиха, такъ и безъ него обойдемся? главная прелесть: Я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелесть: Те послѣ посвященія Войнаровскаго— на которое мой Дельвинъ уморительно серчится.

Что Карамзинъ? я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличия— а все люблю ихъ отъ всего сердца. Ж. со мной такъ проказить, что нельзя его не обожать и не сердиться па него. Какова наша текущая словесность? настоящій «.....»! Мнѣ жаль, что отъ Кюх. отбили охоту [отъ] къ журналамъ, онъ чело-вѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ— хотъ и сумасбродъ. Жду разбора Шихматова, то-то вранья, чаю! Сей часъ прочелъ Антикритику Полевого. Пѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! — Разборъ новой пѣтики ба сенъ— вотъ критика. Когда-то мы возьмемъ за журналъ! Мочи нѣтъ хочется а показѣть смотри хотъ за Полевымъ. — Чѣмъ мнѣ тебя поподчинять? вотъ тебѣ мой бон-мо (Ради соли, вообрази что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26): Qu'est ce que le sentiment? — Un supplement du temperament.

Что боже памъ правится? запахъ розы или резеды? — Запахъ селедки.

10 Авг.

На оборотѣ: Кн. П. А. Вяземскому.

А. О. ВЕЛЬТМАНЪ.

160.

П. А. Осиповой.

11-го августа [1825 г. Михайловское].

Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, Madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent autant que vos soins généreux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais c'est que les sentiments que je vous ai voués seront éternellement les mêmes — J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Je crois comme vous, Madame, que les bruits qui sont venus à M-r Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger. Ces jours-ci j'ai été chez Pechtchourof l'avocat patelin — comme vous l'appellez — il me croyoit à Pskof (NB) — Je compte voir encore mon vieux nègre de Grand' Oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matin et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je présente mes respects à toute l'aimable famille et suis Madame votre tout dévoué. 11 août.

На оборотѣ:
Ея Высокородію г-жѣ Прасковиѣ Александровнѣ Осиповой въ Острогожѣ.

161.

В. И. Туманскому.

13-го августа [1825 г. Михайловское].

Буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда. Милый мой Туманскій, у меня до тебя просьба, надѣюсь, что не откажешься оказать мнѣ истинное одолженіе. Вотъ въ чемъ дѣло:

за нѣсколько дней предъ моимъ отъѣздомъ изъ Одессы, Савеловъ и я играли у Лучича; Лучичъ проигралъ мнѣ 900 р. изъ коихъ 300 заплатилъ мнѣ на другой же день, а остальные 600 перевелъ на Савелова, который и согласился. При моемъ внезапномъ отъѣздѣ я занялъ эти (900) 600 р. у Кн. Вяземской <съ согласія же Савелова>. Послѣ, узнаю что онъ отрекается отъ своего долга. Деньги эти пропали, такъ и быть, но боюсь чтобъ это не перетолковали мои приятели, которыхъ у меня много, и всѣ охотники до толковъ. Разкажи это просто par manière de conversation, Лучичу. Онъ чело-вѣкъ честной и вѣрно не солжетъ въ дѣлѣ касающемся до чести. Повторяю что денегъ этихъ мнѣ не нужно, и что даже возиться съ Савеловымъ я не намѣренъ. Отиниши мнѣ отзывъ Лучича, вотъ и все.

— Объ Одессѣ кромѣ Газетныхъ извѣстій, я

ничего не знаю, напиши мнѣ что нибудь. О себѣ скажу тебѣ что я совершенно одинъ; Царь пополнилъ мнѣ бѣхатъ во Псковъ для операціи моего апендризма и Моаръ хотѣлъ ко мнѣ прибѣхать—но я просилъ его не беспокоиться и думаю не тронусь изъ моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали противъ воли моей, и кажется, только испортили мою участь. Что ты? что твой поэзія? Царѣдко и слишкомъ рѣдко, попадаютъ мнѣ твои стихи. Цѣлуй милостю, не забывай своего таланта боюсь чтобы Проза жизни твоей не одолѣла поэзіи души. Дѣлушка ил. поэту—преlestь! сиди съ Авторами одно не хорошо.

Не такъ-ли:

Со мной ведете-ль разговоры
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего
Безъ выраженія вашихъ взоровъ

etc. Кланяйся всѣмъ бывшимъ моимъ товарищамъ, свидѣтельствую мое почтеніе В. Д. и А. Н. Прощай, мой милый. 13 авг.

Адресъ мой: въ Опочку въ село Тригорское. Ея Высочор. Прасковья Александр. Осиповоі.

162.

А. П. Кернъ.

14-го августа [1825 г. Михайловское].

Je relis votre lettre en long et en large et je dis: *милая! прелесть! divine!*... et puis: *ахъ, мерзкая!*—Pardon, Belle et douce, mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par ex., que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous convenir et vous plaire (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous-entendu, je ne conçois pas ce que vous désirez. Me demandez-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty. Allons, gardez toujours le «ne scro, a злого», pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky—et parlons d'autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère. Que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal—est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds — <j'y aurais joint le cœur, mais votre cousine a trop décrié ce mot>. Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous voulez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve: je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans—c'est indigne, mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez moi... Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force, ni émotion, et un refus n'a ni grace, ni volupté. A revoir donc—et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r Vorte époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le sur lendemain de votre arrivée. Подѣлюсь-ему! Si vous saviez quelle aversion mêlée de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du Ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte! C'est m'a seule espérance!

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible si que je n'avais pas remarqué d'abord: si

ma cousine reste je viendrai cet automne etc. Au nom du Ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier se votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-la en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas cela au moins; par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites-vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez-le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r K., un homme sage, prudent etc., il n'a qu'un seul défaut—c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? C'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. Aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de Vous, cela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien, le plus injustement du monde: j'aurais dû être reconnaissant pour la fois passée, je le sais; mais que voulez-vous? je vous supplie, Divine—compatissez à ma faiblesse, écrivez moi, aimez moi, et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, daitez ручку.

14 août.

163.

Князю П. А. Вяземскому.

14—15-го августа 1825. Михайловское.

14 авг.

Мой милый, поэзія твой родной языкъ, слышно по выговору, но кто жъ виновать что ты столь-же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807-го года на славяно-роскомъ. И пѣть надъ тобою какъ бы пѣкоего Шишкова, или Сергія Глинки или иной или Василыс что-бы на тебя прикрикнути: извольте же браниться въ речахъ, извольте жаловаться въ стихахъ—Благодарю очень за водонадъ. Давай мутить его сей часъ же.

— съ глѣномъ

Сердитый влаги властелинъ—

Вла Вла звуки музыкальные, но можно-ли, на пр. сказать о молнии властительница небеснаго огня? Водонадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемени какъ нибудь, пазли его съ какихъ нибудь стреминъ и вершинъ и тому подобное.

2 строфа—преlestь! —

Дождь брызжетъ отъ <такой-то> сшибки
Твоихъ междуусобныхъ волнъ.

Междуусобный значить *mutuel*, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора—должно непременно тутъ дополнить смыслъ.

5-ая и 6-ая стр. — прелесть —

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель—и то не хорошо—не соперникъ-ли? Тайной о гремѣщемъ водонадъ говори не годится—о бурѣ физической—также. Играть же глухой войной—не совсѣмъ точно. Ты не зерцало и проч.

Не леибе-ли, и не жибе-ли (впрочемъ, это придира—): Ты не приемлешь ихъ лазури ес. Точность требовала-бы не отражаешь. По твое повторение ты, тутъ, пусто.

Подъ грознымъ знаменемъ ес. Хранишь ес. но вся строфа сбивчива. Зародыши непогоды въ водопадѣ: темно. Вѣчноблующій огонь, тройная метафора. Не вычеркнуть-ли всю строфу?

Ворвавшись—чуждо-хорошо. Какъ средь пустыни ес. не должно тутъ двойнымъ сравнениемъ развлекать вниманіи—да и сравненіе не точно. Вихорь и пустыню уничтожь-ка—смотри что выйдетъ изъ того:

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь-ли? Ты сказалъ объ водонадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающей какъ огонь а дѣсь ужъ переносишь жару страсти сей самый водонадѣный пламень (выражаюсь какъ пельзя хуже, но ты понимаешь меня). И такъ, не лучше-ли:

Какъ ты, пустынно разразится ес.

а? или что другое—по разгорится слишкомъ патлито. Паппи-же мѣ: въ чемъ ты со мною согласишься.

Твои письма гораздо нужибе для моего ума, чѣмъ операціи для моего анеризма. Они точно оживляютъ меня какъ умный разговоръ, какъ музыка России; какъ похотливое кокетство Итальянки. Пиши мнѣ, по Псковѣ это для меня будетъ благодѣице. Я созвать не жданныхъ гостей, прелесть — не лучше-ли еще: незваныхъ. — Штъ, colà seroit de l'esprit.

На оборотѣ:
Князю Вяземскому.

При семь дѣловая бумага, ради Бога употреби ее въ дѣло.

На отдѣльномъ листѣ: 1811 года Дядя мой Василій Львовичъ, по благополучію своему ко мнѣ и ко всей семьи моей, во время путешествія изъ Москвы въ С.П.Б., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассигн., данныхъ мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Мечеринной и покойной тетуской Анной Львовною. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Пгватій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взыскація или предъявленія, и какъ и потерять уже все законное право на взыскація выше упомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ; что составляетъ болѣе 200 рублей)

то униженно молю Его Высокоблагородіе, Милостиваго Государя дядю моего заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому — получить же оныя деньги уполномочиваю Князи Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ.

15 августа

1825

Село Михайловское.

164.

В. А. Жуковскому.

17-го августа [1825 г. Михайловское].

Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой—Мнѣ право совѣстно что жилы мои такъ всѣхъ насъ безпокоятъ—операціи анеризма ничего не значить, а ей богу первый Псковскій канаваль съ нимъ бы могъ управиться. Во Псковѣ побѣду не преждѣ какъ въ глубокую осень, оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. — На дѣлѣ видѣлся я у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматѣромъ; онъ нуде уснокоитъ меня — только дѣлѣ мнѣ Кюхельбекерю; согласенъ что жизнь моя сбивалась иногда на эпингаму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коннича. Къ стати объ элегіяхъ. Трагедія моя идетъ и думаю къ змѣ ее кончить; въ сдѣлствіи чего, читаю только Карамзина для дѣтщины — Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! какаа жизнь! c'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, мой прелесть: не дѣлай мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака или житіе

какого нибудь Юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Чет. М.—а мнѣ бы очень нужно.

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ что Перовскій у Васъ. Щастливцевъ! онъ видѣлъ и Римъ и Везувій —

17 авг.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію

Василію Андреевичу Жуковскому.

Въ С.-Петербургѣ.

Въ Анничковскомъ дворцѣ. Отдать Швейцару для доставленія.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 г. Авг. 20.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

165.

А. П. Кернъ.

[Вторая половина августа 1825 г. Михайловское].

Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que votre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous débarrasser de ces spasmes qui vous rendent si intéressante, mais qui ne valent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'écrire; quelle mauvaise tête!

Dites moi donc, que vous a-t-il fait, ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? Hé bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas ou <ce qui est pire dire> vous ne voulez pas mener les gons. Une jolie femme est bien maîtresse... d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale, mais encore, on doit des égards au mari, si non—personne ne voudrait l'être. N'apprenez pas trop le métier, il est nécessaire de par le monde. Tenez, je vous parle à cœur ouvert. A 400 v. de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux; qu'est ce [quel] donc que cela doit être à 4 pas? (NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r votre cousin n'est parti de Riga que le 15 gu courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de votre plume dans votre lettre à moi? sans indiscretion peut-on le savoir?) *) Pardon, Divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accommoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile. De la douceur, de la coquetterie <et surtout, au nom du Ciel, des refus, des refus et des refus> le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme, mais que voulez-vous? Je suis au désespoir du départ d'Annette; quoi qu'il en soit, il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? répondez-moi, je vous en supplie, et n'en dites rien à A. Voulf. Vous viendrez?—n'est ce pas?—jusque-là ne décidez rien à l'égard de votre mari. Vous êtes jeune, une carrière entière est devant vous, lui... Enfin, soyez sûre que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent, quelquefois c'est inévitable,—mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu, il fait nuit, et votre image m'apparaît, toute triste et toute voluptueuse;—je crois voir votre regard, votre bouche entrouverte. Adieu! Je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux,—je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu, et croyez à mon délire; il est ridicule, mais vrai.

*) Фраза, заключенная въ скобки, слегка подчеркнута.

166.

А. П. Кернъ.

[28-го августа 1825 г. Михайловское].

Voici une lettre pour M-e votre tante. Vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? Comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? Mais comme ce qui est fait est fait—parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennue trop, quittez-le, mais savez vous comment? Vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez... où? à Trigorsky? Pas du tout! A Michailovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? Vous me direz: «Et l'éclat, et le scandale?» Que diable! En quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose.—Mais avouez que mon projet est romanesque?—Conformité de caractère, haine des barrières, organe du vol. [volonté?] très prononcé, etc., etc.—Concevez-vous l'étonnement de M-e votre tante? Ils'eussivaune rupture. Vous verrez votre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié, moins insipide—et Kern une fois mort—vous êtes libre comme l'air— — — Eh bien, qu'en dites-vous? Quand je vous disais que j'étais en état de vous donner un conseil, hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? L'idée que non me fait frissonner.—Vous me direz: consolez-vous.—Fort bien! Mais comment? Devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes—m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés—j'y répugne— — — Ha! vos lettres, à propos, comment les recevrai-je? Votre Tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente <et le moyen... à 400 verstes>. Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées et puis brûlées en cérémonie. Tâchez de déguiser votre écriture, et je verrai le reste. Mais écrivez moi, et beaucoup, en long et en large et en diagonale (thème de géométrie *)). — Mais surtout donnez moi l'espérance de vous revoir. Si non, je tâcherai vraiment d'être amoureux autre part. J'oubliais: je viens d'écrire [ma] à Netty une lettre bien tendre, bien basse. Je raffole de Netty. Elle est naïve—et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous pas naïve? N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? he bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimable, je serai gai lundi, exalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je sois tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. Adieu!

28 août.

Ne décachetez pas la lettre ci-jointe, ce n'est pas bien. M-me votre tante s'en fâcherait.

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses; M-de O. décachette une lettre à vous, vous décachettez une lettre à elle, je décachète une lettre de Netty—et nous y trouvons tous de quoi nous édifier—vraiment c'est un charme!

*) Поперекъ этой страницы написано: «Voilà ce que c'est que diagonales».

167.

П. А. Осиповой.

[28-го августа 1825 г.]. Михайловское.

Oui. Madame, bonny soit qui mal y pense. Ha! les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! Serait-ce par expérience qu'ils le savent? Mais je leur pardonne, faites-en de même et continuons.

Votre dernière lettre <de minuit> est charmante, j'ai ri de tout mon cœur; mais vous êtes trop sévère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années, et elle se corrigera je vous le promets. Quand à sa coquetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puis qu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r votre fils, à son cousin! Arrivée à Trigor'sky, il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi; ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette providence de ce sacré каторжник! Ce n'est pas tout: vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! Ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura, et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, Madame, croyez-vous sérieusement qu'elle fasse la coquette indifféremment? Elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux, timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, Madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle était trop tendre, et dans les circonstances actuelles ce serait ridicule de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinence qui me caractérise, et décidément je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai tâché de porter le trouble au sein d'une famille, que Ерм. Фед. puisse m'accuser de n'avoir pas de Principes, et que sa femme puisse se moquer de moi.—Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant: «hardie dans» etc.—N'est ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini, je ne la croirai plus.

Adieu, madame! C'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée — nous médions de la Nelly du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue, et encore plus de... *) Pardonnez cet aveu un

*) Три совершенно зачеркнутых слова.

peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment.

Michailovs.

На обороты: A madame Ossipof.

168.

А. Н. Вульфю.

[Конец августа 1825 г. Михайловское].

Любезный Алексѣй Николаевичъ.

Я не успѣлъ благодарить Васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ, чортъ съ ними и съ Цензоромъ и съ наборщикомъ и съ tutti quanti — дѣло теперь не о томъ—Друзья мои и родители вѣчно со мною проказали. Теперь послали мою коляску къ Моэру съ тѣмъ чтобъ онъ въ пей ко мнѣ приѣхалъ и опять уѣхалъ и опять прислалъ назадъ эту бѣдную коляску—Вразумите его—Дайте ему отъ меня честное слово что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc.—

Vale, mi fili in spirito—Кланяюсь Лыкопу—я написалъ на дняхъ подражаніе Элегіи его Подите прочь.

169.

П. А. Катенину.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣннейшей твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію—общую нашу любовницу. Если это правда, что жъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее?... Я думалъ, что въ своей глуши — ты создаешь; нѣтъ—ты хлопочешь и тлѣешься—а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Heu fugant, Posthume, Posthume labuntur anni.

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ <какъ трагедіи Софіи Алексѣевны>. Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей

Графъ МАТВѢЙ ВЕЛЬГОРСКІЙ.

Словесности, и никто больше тебя того не достоин. Прочелъ въ Булг. твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ К. Шаховскаго.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? Но мнѣ чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-Гиншпаиски не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покаместъ я бросаю и пишу свои *scrapes*, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 пѣсни *Opéra* у меня готовы, и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 4-я пѣсня тебѣ по праву — я самъ ее люблю; впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ К..., съ театральнымъ *Maïoromъ* и проч.: больше не буду!—*Addio, Poëta, a rivederci, ma quando?*

Почтовый штемпель: Опочка 1825 г. Сент. 14.

170.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Горчаковъ доставить тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно—по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ—впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости пѣть у насъ на сѣверѣ, мы или сохнемъ или гниемъ; первое все таки лучше — Отъ пѣвца дѣлать и прочесть ему пѣсню или сцену изъ моей комедіи, попроси его не говорить объ нихъ, не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивитъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни *Rêve* мейя. Это очень близкій переводъ, посылаю тебѣ дикій набѣлъ подлинника. Покажи это Вельгорскому — кажется, мотивъ — чрезвычайно щастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней. — Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы—видѣлись-ли ты съ нею? Ради Бога докажи Вас. Лѣв. что элегія на смерть А.п. Лѣв. не мое произведеніе, а какого нибудь другаго беззаконника. Онъ восклицаетъ «а она его сестрѣ 15,000 оставила!...» Это напоминаетъ чай которымъ онъ поилъ Милонова—Дѣло въ томъ что конечно Дельвингъ болѣе виноватъ нежели я. Похлопочи обо мнѣ душа моя, какъ о братѣ —

Сатирикъ и поэтъ любовный
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Аины Львовны
Покойной тетуски моей
Писатель пѣвчій, тонкій острый
Мой дядюшка—не дядя твой
Но, милый—Музы наши сестры
И такъ ты все-же братецъ мой.

Variante: Василій Львовичъ тонкій острый.

Кланяюсь Книжницѣ и сестрѣ—Нѣкогда болѣе писать.

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собствен. домѣ.

Почтовый штемпель: Опочка 1825 г. Сент. 24.

171.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Я думаю что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р. украденные Савеловымъ.—Узнаю что Левъ ихъ промоталъ; купиши его и жди оброка, что соберу на-длинъ съ моего сельца С.-Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу лаяться тебѣ въ халатѣ, на разпашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловія Г-на Лемонте. Мы съ тобою толкуемъ—лишь о Полевомъ да о Булгаринѣ—а они несносны и въ бумажномъ перелетѣ. Ты умеешь о чемъ ни заговорить — а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся, пиши мнѣ и не жди отвѣта —

Твоя статья о Аббатствѣ Байрона? Что за чудо Д. Ж.! я знаю только 5 перв. пѣсень; прочитавъ первыя 2, я сказалъ тотчасъ Раевскому что это *Chef-d'œuvre* Байрона, и очень обрадовался послѣ увиди, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ Англ. яз.—и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способу учиться, пока пора. Грѣхъ гонимымъ моимъ! И я, какъ А. Шенье могу ударить себя въ голову и сказать: *il y avoit quelque chose là...* Назвиши эту поэтическую похвалу и прозаическую хандру. Мочи пѣть сердитъ: не выспался и не вы... си —

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона? чортъ съ ними! Слава Богу что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, немного, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ — Его бы училили, какъ училили Руссо — а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ Гепіемъ. Поступокъ Мура лучше его Лалла-Рукъ <въ его поэтическомъ отношеніи>. Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи — Охота тебѣ видѣть его на суднѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки ея. потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи великой мерзости, она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: Онъ и малъ и мерзокъ — не такъ какъ вы—иначе!—Писать свои *Mémoires* заманчиво и приятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самаго себя. Предметъ неизтощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропостью—на томъ что постоянно прочесть бы равнодушно. Презирать (*braver*) судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно —